

Если вы решили прочитать эту книгу,
то начинайте и читайте её!

(Из разговора Ж.Б.Мольера с книгопродавцем)

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЯ ЭТИХ ЗАПИСОК

Эта рукопись была найдена мною в прикроватной тумбочке в городе С..., в драматическом театре которого я ставил спектакль. Однокомнатную квартиру для меня снимал театр. До меня в ней жили все приезжие режиссёры и художники. На протяжении десяти лет я пытался найти автора этих записок, но никто не обнаружил себя! Так ведь бывает! Этот «путешествующий текст», вернее всего, был написан кем-то для себя. Рукопись могла оказаться в разных местах и в разное время, пока Сама для себя не выбрала хозяина – меня. Потому я и решил открыть её читателям! Подозреваю, что Она этого ОЧЕНЬ хотела.

* * *

Я родился в январе, и решил для себя, что исключу в этом месяце игру случая, что преследует меня в течение года. Этот месяц полностью будет подчинён моей воле, по крайней мере, я буду стараться, чтоб это было так. И когда решил реализовать этот план, я пришёл к странному результату — пришёл к «плачущему в жилетку»! Вот тебе, бабушка, и «Юрьев день». ПЛАЧ (но не Ярославны): Господи, дорогой, что же это мы делаем. Как же несуразно, глупо проживаем отведённые нам года... Часы и минуты! Какой только ерундой не наполнены наши будни?

Ерунда первая: *Подольше поспать утром!*

Вот, к примеру, я сел записать опыт этого месяца, заставил себя сесть писать, но по правде говоря, хотел это сделать ещё вчера... Вчера я ложился спать с мечтой, с хорошей мыслью — я должен дописать свой дневник, осталось всего пять месяцев, пять встреч. Но что я сделал утром? Я проснулся и понял, что должен еще поспать, должен выспаться, словно сегодняшнее утро последнее в моей жизни. Я должен досмотреть сон! Но ведь сон этот не последний, а день единственный и неповторимый, и такого утра уже никогда не будет.

Ерунда вторая: *Пить алкоголь на ночь!*

Тут ещё сложнее, потому что в свои сорок лет про это всё знаешь! Знаешь, как всё будет по минутам с самого просыпания. В результате день вычеркнут. Организм проваландился как-то... И вот долгожданный вечер! Так и провалился твой день, а ведь это тоже твой единственный день!

Ерунда третья: Не кори себя за вчерашинюю вспыльчивость!

Вчерашнее есть вчерашнее, совершённый поступок есть уже совершённый поступок. Это прошлое. А прошлое работает по другим законам, не давай шанса прошлому в твоём настоящем. А если беспокойство не оставляет, соверши антипоступок вчерашнему: извинись! Попроси прощения! И закончим на этом.

Ерунда четвёртая: Празднословие.

Как можно столько говорить, потоки великого потопа, ничто не сравнимся с нашим желанием болтать всякую фигню часами. Нет цели — не говори! Но есть одно исключение: ВЫГОВОРИТЬСЯ! Это лекарство, это терапия, это клапан высокого давления, это ваша гуманитарная помощь самому себе!

Ерунда пятая: Напиши свою ерунду.

Общими нашими человеческими усилиями составим «Энциклопедию Ерунды», запишем все, что нам мешает жить-поживать и добра наживать, напишем, избавимся и сожжём.

Ерунда шестая: ТВОЯ .....

Пока просил тебя, дорогой мой случайный читатель, написать твою ерунду, вспомнил ещё одну.

Ерунда седьмая: Не поддерживай отношения ради того, чтобы их просто поддерживать!

Это касается всей суммы взаимоотношений: родственных, приятельских, деловых и т.п. Поддерживая такого типа отношения, ты отдаешь самое ценное — свою Свободу, ты размениваешь золотой эталон свободы на невзрачные копейки практичности.

Вот и январь прокатил, а с ним прошёл субъективный плач, хотя Пастернак предлагал плакать в феврале, но у каждого свой февраль. И мой февраль — январь!

Февраль — достать чернил и плакать

Писать о феврале навзрыд.

Пока грохочущая слякоть

Следами чёрными горит...

ЯНВАРЬ. ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЮ...

Разломив мандарин — я разломил мир на множество множеств. Множество — это мужество! Только смелый может принять его. Она больше любила носить брюки, чем юбки. Конечно, это я узнал чуть позже. Но тогда-то, она точно была в юбке — чуть выше колен. В джинсовой юбке с вытертыми двумя линиями на бёдрах, как на шоссе две разделятельные полосы — но в нашем случае это были соединительные полосы. Белокурая, худенькая, улыбчивая, тёплая — как месяц май. Лучше не бывает. Её губы пахли в зависимости от света: первый раз мы поцеловались на тёмной сцене у белого рояля, над которым зелёнейским прямоугольником светилась табличка ВЫХОД. Правда! Правда! Тогда у её губ был вкус дыни и мяты — головокружительное падение в картезианские глубины не мышления; этот француз Рене Декарт совершенно заносчивый галл — холодный, как акулий зрачок. Мыслю — значит существую! Бестолковка! Люблю — значит существую!

В этот год я был на своей «малой родине» в городе N, и друзья пригласили меня принять участие в Новогоднем Шоу. Когда-то мы, ещё детёныши, занимались в этой театральной студии при заводском ДК, а и сейчас эти серьёзные мужики не ходили на охоту, не «отжигали» в бане, а играли в театр. Я с удовольствием принял приглашение. Небольшой заводской ДК, ёлка в фойе, полуptyнные рабочие сцены, толкотня в буфетах, репетиции. Шоу должно быть весёлым! Хотя мои актёрские способности умеренно умеренные, я взял на себя привычное: костюмы, декорации

и всякие причудейства, ну там превращения, исчезновения и другого сорта праздничный набор.

В таких концертах участвуют все взрослые коллективы Дома культуры, а они в основном почему-то все танцевальные, и поэтому мне выпала доля участвовать в проходке в припеве на песне Олега Газманова «Ты рыбачка, я рыбак. Ты на море я на суше. Мы!» здесь в опьянянной блажи мы орали своё: «Ты рыбачка, я рыбак. Ты на суше я на море, мы не трахнемся никак...» Не самая смешная рифма, и шутка так себе, но нам она почему-то очень нравилась. И не только нам, трём мужикам в бескозырках и клешах, взявшимся за руки, как маленькие лебеди, но и танцорам девчонкам — они всегда хохотали на эти глупые слова. Но это введение в историю.

Она была одна, стояла в сверкающем фойе в центре зала. Она опоздала, так как автобус, в котором ехала встречать Новый год (в этом Доме Культуры) соскочил по скользкой намороженной дороге в кювет, из которого выбрался самым волшебным образом. Она была растеряна, поскольку её пригласила подруга, и она никого здесь больше не знала. Шоу было в самом разгаре, но где-то там, за закрытыми дверями, а здесь тишина и потрескивание и подмигивание дискотечных световых фонарей. (Умудрялись ли вы когда-нибудь в чужом доме ночью ходить в туалет? Вот! Знакомое чувство невесомости и космоса.) Где искать празднико, если ты не попал на него с «третьим театральным звонком», его скорость быстрее скорости света, не чай угнаться за ним, смирись, допивай своё тёплое шампанское, жди следующего праздника, и не дай тебе бог опоздать на него!

И тогда я разломил мандарин. И мир разломился на множество. А множество — мужество! А мужество должно быть у мужчины всегда! И я сказал:

— Послушайте, прекрасная незнакомка, если вы верите в счастье, если вы верите, что с двенадцатым ударом некрасивый тролль (тут я снова разломил мандарин, встал на колено, и долька крошечного мандаринового сердечка пульсировала на моей ладони), некрасивый тролль (я повторил, чтобы усилить момент волшебства) превратится в умного, обаятельного и слегка полноватого принца.

Тут она улыбнулась, и я разломил остаток мандарина... Она взяла дольку, и слегка прикусив губами, выдавила янтарно ослепительный сок. Мы взялись за руки и побежали за кулисы, где уже надрывался народный артист со своей морячкой и моряком. Она стояла за кулисами и смотрела на нас, поэтому коронную шутку в конце я промолчал. Друзья удивились!!! А я смотрел только на неё. Она улыбалась только Мне!!! «совсем невпопад...» Конферансье шутил и объявлял другой номер. Я бросился к авансцене, там было много мною же наряженных ёлочек с мандаринами, конфетами, солёными корнишонами и маленькими канапе с докторской колбасой и сыром, вырвав одну из этих елочек, с криком: «Президент выступает!» скрылся в спасительную темень кулисы. Маленькие бутербродики — частые поцелуи! Кто-то крикнул в зал: «С новым годом! Наверное, это и был президент. Зал басовито затянула на всю оставшуюся ночь: «С НОВЫМ ГОДОМ !»

Этот город как улитка на склоне, он весь прижимается к своим холмам, которых здесь с десяток — не меньше, словно боится сползти в бездну, разверзшуюся под ним. Говорят, что известный город М, тоже так же царапается, чтобы не сползти, но для такого города как М, это изюминка, фишка, а для Н — катастрофа, особенно зимой! Хотя, если не «парить» своё сердце рефлексией, то по вечерам там — такая красотища, когда лучи заходящего солнца вспыхивают пламенем на золоте куполов городских Храмов, образуя незримый лёгкий невесомый золотой купол, который как лисий треух накрывает всех и всё умиротворением и благодатью. Тогда висит этот город в золотой пыли, подобно фантастическим летающим островам над туманом безбрежного седого холодного океана,

из которого с любопытством высовываются три черепашьи башки!

Целуясь в снежинки на тёплых губах, мы возвращались домой из ДК. Мы ровно шли, и также ровно дышали, по пустому городу, выбеленному снегом, заботливой рукой беспечного белильщика. Потом останавливались в снежном вальсе под жёлтыми городскими фонарями и целовались... целовались... целовались. Шершавили губами вещие слова: «И полусонным стрелкам лень ворочаться на циферблате. И дольше века длится день. И НЕ КОНЧАЮТСЯ ОБЬЯТЬЯ».

Стремительно и невесомо, как тени в воде, пролетали одинокие такси, одинокие прохожие. Мы скользили мимо друг друга, так же как зрители в кинозале и герои фильма на киноэкране. Наши мироздания не пересекались, нам были назначены маршруты, и эти маршруты были на разных планетах нашей Галактике.

Оторвавшись друг от друга, выскользнув на мгновение из столь ослепительного мандаринового сна, мы набрели на снежные холмы, на огромные снежные горки, накатанные до льда.

— Давай прокатимся, — предложила она и, не дождавшись ответа, потащила меня по довольно отвесному склону.

— Это как у Чехова, — сказал я, слегка задыхаясь от скорости, с которой мы поднимались на вершину.

— А как у Чехова? — переспросила она и запустила в меня увесистый снежок.

— Сейчас узнаешь, — крикнул я и, схватив её в свои объятия, повалил на снег. И через секунды мы как два больших неуклюжих медведя покатались, кувыркаясь и смеясь вниз с горы! Круг, круг, круг, скольжение, круг и ещё полкруга, перетряхнув в себе бутербродики-канапе, мандарины, шампанское и настроение в один весёлый новогодний коктейль, мы в конце этого спуска разлеглись на спине на холодном льду! Не моргая, уставившись в чёрное звездно-оранжевое небо мы лежали и смотрели, как в небе плыл светящийся точкой самолёт. Всё в мире было недвижимо, застывшее ожидания чуда: намертво приколоченные звезды, вкопанный на века город N, и маленький самолётик, движимый неведомой нам целью. Так и каждый из нас лишь маленькая светящаяся точка в густом недвижимом времени и пространстве, мерцая мгновением, попадаемся на глаза лишь случайным влюбленным.

Так полежав с полминуты на спине, мы вновь кинулись штурмовать эту снежную горку, и на этот раз уже она повалила меня, и мы с такой же неудержимой стремительностью завертелись в новом круговороте: круг, круг, скольжение, круг, скольжение, полкруга... пауза. И снова штурм, и спуск, и когда снег и ветер окончательно закружил нас в одно целое, я прошептал ей в тёплую белую шею:

— Я люблю тебя!!!

— Что? — переспросила меня она.

— Я люблю тебя, — повторил я.

— Что?

— Я люблю тебя!

Тогда на этих горках я потерял свой бумажник, а вместе с ним весь гонорар, заработанный на Шоу, но мне было только смешно и весело. Когда мы, как мародёры, на следующее утро лазили по этим скользким горам, пытаясь найти кусочек материального счастья, то обоим было неудобно и стыдно, потому что эти поиски были сплошными «кукрыниксами» в сравнении с тем нашим оранжево-мандиновым счастьем, которое до сих пор кружит меня в своём соль-минорном аккорде. И сегодня, спустя много лет, каждый год я разламываю мандарин на дольки, выуживаю в них зернышки, сушу их, запечатываю в конверт и отправляю ей, единственной и неповторимой, как знак особой признательности за ТУ Волшебную ночь...

P.S. У неё двое прелестных детей и Она очень счастлива!!!

ФЕВРАЛЬ. ГОЛАЯ И РЫЖАЯ

Из чего-то не главного — зацепочка, какая-то маловажная деталь — и тебя вдруг словно наэлектризует, как клочки бумажки, и ты уже не владеешь самим собой. Тебя крутит, вертит, подбрасывает, обращает в частицу, в микро... Сексуальная тяга!

Вот и сейчас я сижу в двухкомнатной квартире одного из городов Н нашей продолжительной страны; сижу в воскресенье, пью кофе и смотрю на берёзу в окне. На неё сели снегири, сели и засветились большими красными круглыми фонариками на белой ветке на фоне синего неба. Может, это и птицы, а может, мои ангелы-хранители, и видим мы их только тогда, когда ощущаем красоту. Предчувствуем в секунду и, продлевая эти наши ощущения, предваряя будущее, с небес сходят они, для меня в облике этих чудных птиц... СНЕГИРЕЙ.

Я полюбил в этот февраль девушку! Девушку на рекламном плакате... Большие зелено-красные английские буквы, по-русски её имя звучит Бежилита. Так я стал называть её.

Поутрам я не мог долго задерживаться около неё. Утром бежали люди — некрасивые, маленькие, с глупыми лицами, пустыми глазами. Почему деревья, животные — красивые, а люди нет. И ещё я заметил, что красивые и некрасивые живут чёткими ареалами, и друг с другом не смешиваются! Границу переходят в исключительных случаях. Судьба в феврале забросила меня на территорию с большим количеством некрасивых женщин. Что до мужчин, то они меня не интересуют как вид. Что может быть интересного в этом закомплексованном, в большинстве своём безвкусно выглядящим, узко и банально рассуждающим. Без тайны, загадки, иррационального. Вырождение породы на лицо. И даже те из немногих, которые лучше пытаются, одеваются, думают, как это ни странно, с годами начинают походить на женщин! Время мужчин уходит, «ужимки и прыжки» тут вряд ли помогут! Время, как земля, как беременная женщина своим круглым животом поворачивается боком!

Было прохладно... Люди, как тепловые машины выдували пар на морозном воздухе, бежали по своим узкоколейкам. А я стоял и разговаривал со своей Бежелитой. Она прижалась ко мне худенькими голенькими плечами, пряди её неестественно рыжих волос попадали мне в рот... Ей было холодно, она замерзала, но, ни слова не говорила мне... Я хотел расспросить её про эти дурацкие препараторы, лицом которых она являлась, про этот город, который она знает лучше меня, про этот плакат, на котором она изображена. Я хотел расспросить её о взглядах тех приурков, которые пляются на неё! Я прижался к ней, обнимал её худенькие плечи, утыкался в рыжие волосы, пахнущие апельсином, и часами мог плакать. Поверьте, мне было о чём! Мне было почему. И самое может быть главное — кому! Она смотрела своими большими немигающими голубыми глазами, молчала и обнимала меня!

Так было и холодными морозными утрами, и снежными тихими вечерами, и солнечным днём — мы стояли на одном и том же месте, стояли обнявшись наши несколько секунд вечности и вновь расходились в свои миры — я в мир некрасивых людей, запахов и поступков, а она в свой двухмерный мир рекламного плаката.

Я не знаю, что снилось ей ночами, и снилось ли? О чём она думала в часы наших расставаний, но в очередную встречу, только увидев друг друга, мы бросались в объятия и стояли обнявшись! Один в зимней куртке, зимней шапке, другая голая и рыжая — двое среди чужого для них города, мира.

В квартире я стал скучать по ней! Я решил сфотографировать её, чтобы и вечерами в одинокой постели видеть её. Но цифровое увеличение лишило Бежелиту всякого чувственного обаяния. Я не мог перенести её образ с того места, где только и возможно было наше сближение.

— Я думаю, это что-то из сказок, из каких-то взрослых сказок, спрятанных в библиотеках. Только тебе я могу рассказать о том, что происходит вокруг меня и что не даёт мне возможности спать ночами. Голова болит, но это не с похмелья — я с совершенно трезвой головой тороплю своё время, и оно, повинуясь мне, летит на скором поезде. Моё вещественное время! Да-да! Поверь мне! Раньше, в детстве, время было предметом!

Субботний семейный ужин, отец выпивает тёплый разбавленный спирт, соления, молодая мама, большие жуки-носороги — которых мы ловили под старыми липами. Помню первый снег, сугробы... А сейчас? Сейчас я помню только кучу бессвязных, бесконечных, скачущих мыслей о жизни. Не саму жизнь, а мысли о ней! Мысли подобно неугомонным обезьянкам, перепрыгивающим с места на место, которые ни на секунду не могут остановиться на чём-нибудь одном конкретном, чтобы внимательно рассмотреть — овеществить бесконечность! А это и есть смерть! Я умер! Я недавно, да-да, недавно умер!

А сейчас лишь снег! Лишь голая и рыжая девушка в твоих объятиях и тёплые слёзы на твоих глазах!

Мы расстались с ней, я уехал из этого города, уехал навсегда. Уехал за живой жизнью! За жизнью, которая, я уверен, ещё есть для меня, которая будет у меня. Но иногда, как сегодня, находясь на расстоянии в сотни километров, я скучаю по своей Бежелите... Я снова хочу её увидеть! И снова становится страшно — жив ли я ёщё?

Так хочется
Простой любви!
Такой простой, как
Булка хлеба,
Не громкой, как
Поток воды,
Не яркой, как
Полоска неба.
Такой —
Как падающий снег,
Как мать, качающая сына,
Такой как май!
Такой как век,
Как жизнь в часах
Идёт не торопливо!
Я засыпаю,
Я в ладонях сплю!
Я сплю в ладонях

Лишь Любимых!

МАРТ . 8905764

Как хочется влюбиться! Через строй ресниц, рано утром ещё не приснувшись различить неведомый, томительный и незнакомый силуэт нового счастливого утра! Нет промежутков, нет пауз, нет затуханий и колебаний магического маятника, когда будет только ДА или только НЕТ! Да, когда ты есть, и нет, когда тебя нет, и между этими вспышками пусто!

Где-то в далёкой неведомой стране... Нет! Где-то в знакомом-знакомом с детства городе жил самый маленький наивный Эльф... Нет! В переполненном автобусе... Нет! В изумрудном эфире ночных городов летела телега с... Нет! И да! Просто с утра... или просто вечером. Нет, в марте я повстречал тебя. Повстречал сразу! Бывает же такое сразу. Куча народа, банкет по случаю юбилея одного известного театрального училища...

Встретилось невероятное количество долго не видящихся друг с другом людей. Шум. Разговоры. Объятия. Бред прошлого, туман будущего подогревали своей опасной смесью общую атмосферу.

Кремовое обтягивающее платье, крупные белые локоны, тонко подведенны губной помадой губы и большие карие глаза-омуты. Ты была похожа на одного хорошо мне знакомого человека, и желание вспомнить, на кого ты была похожа, помогло мне подойти к тебе... Когда я познакомился с тобой, тайна пропала, но родилась другая тайна, и с этого мгновения только эта последняя тайна имела смысла. Это Ты!

Пауза в начале разговора оказалось неловкой. Я молчал, слова не имели смысла, а вот так стоять рядом с тобой было великолепно. Ты извинилась и ушла. Чудно: ты ушла, а я был бесконечно счастлив... Счастлив так таинственно начавшимся утром, утренним предчувствием, захватывающим беспринципным предощущением. Господи, да что же это такое! Разве возможно в мои 40 лет, в мои невозможные 40 лет вдруг вот так ни с того ни с сего — испытать блаженство обретения тебя. Тёплая волна из далёкого детства окатила меня, чёрно-белый фильм обрёл краски... И конечно же море, небо, синь — всё сюда. Удивительно, я понял, что можно дважды войти в одну и ту же воду. Что можно поджечь то, что уже сгорело. Я вновь стал молодым, чувства не имеют возраста, они не старятся как человек, они не истираются, они не потеряли аромата и силы. Они вновь были первозданными!

Я не искал её на этом «праздники жизни», да и сам «праздник жизни» стал вялым, наиграным театральным спектаклем, возобновлённым только из желания иметь это название в афише. Надущенное, разрисованное племя всё тех же дикарей предавалось раз и навсегда заведённому обряду... Через несколько минут, а может и не через несколько, время тоже утратило надо мной свой контроль, она подошла и предложила выпить. Мы стали пить. Я пил и не пьянял! Я словно парил над землёй, подобно «шагаловским» влюблённым, подхваченным тёплыми ветрами средиземноморья и пытающимся не разорвать рук сцеплённых вместе. Первая центральная мизансцена: лежащие рядом мужчина и женщина, у влюбленных, расшалившихся на ветру, никак не получалась!

Всё кончается... и суeta сует всё равно суeta... и Экклезиаст из раннего предутреннего городского тумана выходит вам навстречу из подворотни соседнего с вашим дома.

— Восемь рублей не найдётся?

Ты счастливый и пьяный возвращаешься от женщины, с которой парил над этой землёй, и оказывается, надо возвращаться на землю. Опуститься осторожно-осторожно, так чтобы не сломать, а нежно и бережно сложить крылья в заплечные мешки.

Фарами разрывая вату утра, плыли мусороуборочные машины, и бородатый в тёплой шапке водитель сверкал золотым глазом мне во след. На перекрёстках точно таким же жёлтым мигал светофор и вместе со мной по пустому пешеходному переходу переходили дорогу «огнегриевый лев» и пугливая «голубая антилопа». С ближайших деревьев вспорхнула стая птиц... или летучих обезьян. Потом всё в мире погрузилось в туман и беззвучье. Только звук моих шагов был рядом со мной... И казалось, что меня нет, как не было этого утра и этого вечера. Подойдя к подъезду своего дома, меня всё настойчивее и настойчивее донимал вопрос: «Было ли сегодня это утро?» Был ли этот удивительный вечер? Я решил посмотреть, который сейчас час и на запястье, рядом с застёжкой от часов увидел ровные круглые цифры, написанные неторопливой женской рукой 8905764.

Это словно волшебный код от тайной дверцы, наберите его, и вы услышите полёт бабочки, увидите рождение цветка... Вы ощутите мир за секунду до пробуждения. И как вы думаете, этот мир обрадует или напугает вас? Представится галлюцинацией или реальностью? Вот и снова синдром маятника — туда сюда, туда сюда!!!

Я навсегда затворил в себе этот номер... Затворил в себе чуть открывшийся мир. Зачем? Чтоб не смешать его с грязным городским снегом, проводами, врезающимися в живот неба, с ботинками, плевками и выхлопными газами, гудками сигнализаций, с грустными некрасивыми лицами, усталыми детьми, балалайками и демократией! Я умер для неё! Я исчез как тот туман. В нём осталось моё 40-летнее сердце, зацепившись за острую лопатку вороной лошади, пропал вместе со старым Экклезиастом в серовато-голубом свечении заречного городского района.

АПРЕЛЬ. ВОСТОЧНЫЕ СЛАДОСТИ

Апрель — самый хитрый месяц (правда, на весах полугодия есть не менее капризный октябрь) то великолепная сухая солнечная погода, то дождь, снег и холод, такой невероятный блицкрик зимы напоследок! Когда пишу это, параллельно варю пшённую кашу, кстати, рекомендую всем: англичанам — овсянка, русским — пшёнка! И вот апрель капризно, как кошка, которая гуляет сама по себе, подмигивая то чёрным, то зелёным глазом навалил на меня тяжестью прошедшего года. Говорят, у психиатров это называется сезонным обострением. Так вот — навалил на меня апрель беспощадно и грубо. В этот месяц я работал в одном театре, около уральских гор, художником по костюмам; такая обычная жизнь — чередующийся процесс одевания и раздевания. И почему-то на каком-то этапе работы меня захватила маниакальная мысль, что я не смогу доделать этот спектакль до конца, словно год сел мне на шейный позвонок и ножки свесил!

Решил не сдаваться, пошёл на массаж. Увидел я её неожиданно. Мы сидели с доктором в его кабинете, пили кофе, курили хорошие сигареты, и тут вошла женщина... именно женщина, дорогой друг! Прекрасная в своём возрасте сорокалетняя женщина, и я понял простую как пшено истину, что ничего прекрасней в мире нет, чем женщина сорока с хвостиком, которая, правда, следит за собой. На вкус эти женщины — как вкус острого сыра с плесенью, в котором аромат начала умирания выходит на коду, он возвышается до хрустального перезвона и обретает аромат невинности... Да, я не шучу, в сорок с небольшим к женщинам приходит вторая невинность зрелости. Я не доктор, но мой вкус художника обмануть нельзя!

Она пришла с упражнения танца живота, спортивный коричнево-бордовый спортивный костюм облегал её фигуру, низкий белый шнурок на талии подчёркивал стройность тела, ароматы восточного гарема плыли вокруг неё, замирали и атаковали, снова лаская воображение самыми сладострастными предвкушениями. На танец живота я бы не пошёл, но познакомиться мне помог мой знакомый доктор. Каждую среду, когда у них были занятия, я как бы случайно заходил и приносил восточные сладости. Мы втроём пили сваренный в турке арабский кофе и болтали. Она говорила о работе, о сложностях, которые переживает её фирма, но иногда всё-таки касалась музыки и книг. Меня гипнотизировал её облик, в её глазах была нега, невероятный магнетизм. Но намёка на мало мальские пути сближения я не находил, как будто этот дом закрыт, вход в него только по каким-то сложным пропускам! Причём она называла меня по фамилии, а я ее по имени и отчеству?

За окном мучился мелкий апрельский дождик, такой же мелкий, незврачный как та сотня дней, которые прошли и которые ещё пройдут. Она сама пришла в квартиру, которую для меня снимал театр! Не важно, что было вначале, важно, что я запомнил: белое атласное, тёплые груди, которые можно пить как парное молоко. Я задыхался от запаха этой женщины, она была не молодая, была осенней женщиной сильного мужчины, женщиной в том возрасте, которой никогда не скажешь нет.

Почему? Да потому что осень с её сохранёнными соками весны и лета оставляет в душе послевкусие, то, что бывает после, и это после многое важнее того, с чего ты начинаешь.

Я никогда не забуду этого. В каком бы состоянии не находился, я всегда вспомню это тело, этот аромат, эту воздушность и лёгкость, словно мы измерили само время и пространство.

— Почему вы пришли ко мне?

— Мне показалось, что вам скучно в этом городе?

— Да, мне скучно в этом городе!

— Ну, вот видите. К тому же я устала быть одна, со своим мужчиной я увижуся только летом.

— Почему?

— Он живёт и делает свой бизнес далеко... Там за морем.

— Он что, принц на белом коне?

— Нет, просто любимый человек!

— Инвестор?

— Это ревность, уже?

— Да!

— Какая разница кого любить, лучше приличного человека с деньгами.

Я не спал эту тягучую ночь. Мы лежали вместе, наши тела соприкасались, но мы были разъединены океанами. Большой пустоты я не испытывал никогда.

Так закончился апрель, потом и моя командировка в невесёлом городе N. Так же закончилась история знакомства с женщиной. Мы никогда больше не встречались.

МАЙ. «К СИНИМ ХОЛМАМ...»

В этом месяце я читал роман Набокова «Лолита» после просмотра известного фильма, в котором главную роль играл Джереми Айронс. Читал, с большим трудом продираясь сквозь сложноцеплённую вязь слов Набокова к истинной страсти, к страсти владевшей самим писателем. Или это только литературный трюк?

У Набокова есть небольшой рассказ «Волшебник», где он впервые, и, как я думаю, лично раскрывает эту тему (тему страсти взрослого мужика к девочке). Но только избави бог наполнить всё это извращением: в этой страсти — великая тайна жизни и смерти. Так молодой вьюн обвивается вокруг старого ствола. Так юное тянется к старому.

Ведь именно молодость тяготеет к старому. В этом весь секрет НЕИЗВЕДАННОГО, неизвестного с привкусом. Прошлому достаточно лишь едва уловимого запаха прошлого, когда-то испытанного, а юности нестерпимо, неотвратимо нужно обрести это ПРОШЛОЕ. И это не пошлое стремление, не сексуальное, не эротическое, это природное хотение, крюк бытия, на котором мы подвешены, подобно красно-кровавой туши. Мы совершенно бессильны этому сопротивляться, это «зов трубы Страшного суда».

В этом месяце я оформлял фойе театрального института. Мне в помощь ректоратом был выделен третий курс. В майках, без лифчиков, в трусиках недельках — всё, что так хорошо видно в современной молодёжной моде. Мы разрисовывали стены раздевалки. Ведь «театр начинается с вешалки! Под знаком этой идеи («с чего начинается наш театр»), мы выплескивали на стены студенческой театральной раздевалки краску. Здесь был и Мейерхольд, мясником разрубающий мясную тушу, и Станиславский в мягких белых шерстяных носках с чайкой и чайником в руках. Эта игра со смыслами, игра с пространством нас со временем была забавной, увлекательной, нам было легко и весело! Запах краски, сирень, солнце, весна сблизили нас в этой небольшой комнате,

подвели к порогу, за которым притаилась набоковская бездна. Они пили пиво, курили, хотя и первое и второе строжайше запрещалось. Но они, как всё сегодняшнее плевать хотели... жить, двигаться, чтобы потом в сорок высказаться о своём глупом и нелепом времени.

У неё была наколка в виде ящерицы, которая стремилась юркнуть в потаённую тень. Всегда была видна только часть туловища ящерицы и легко, соблазнительно, извивающийся хвост. Когда она говорила, то всегда немного прижималась к собеседнику. Она много говорила о Нельке, это главная героиня пьесы Арбузова «Жестокие игры», которую ей предстояло играть в дипломном спектакле.

— Мне не хватает опыта. Она приходит в дом к Каю побитая жизнью. Она уже по-женски всё испытала, хотя ей всего восемнадцать лет. А душа теплится, чуть-чуть и погаснет. У неё нет будущего...

Светлые вьющиеся волосы, красивые полные губы, хорошая полная грудь и тоненькая талия, как хвостик этой змейки.

— Она влюблается во взрослого человека, влюблается смертельно. То есть так, как влюбляются в пустыне в воду. Это даже не любовь, это жажды: слепая, подсознательная и сжигающая. Если бы Мишка Земцов (это тот мужчина, в которого она влюблена) не погиб, то погибла бы она!

Я не мог спать ночами, я ворочался во сне, потому что всегда физически ощущал её

Присутствие. Она всегда была со мной. Но ей лишь девятнадцать, а мне сорок один? Это пропасть! Но когда мы разговаривали, или вместе ели пиццу — эта пропасть пропадала. А когда я был один, вырастала вновь!

Мы возвращались вечером из института, шли по теплому светлому майскому городу, и казалось, что мы идём так уже сто лет, что это какой-то волшебный загадочный мир, в который мы переместились, хотя я знал, что мы не перестали существовать в реальной суровой реальности. Мягкий свет фонарей, тёплый ветер и Мы словно огромные бабочки на цветном ковре большого города. Машины-жуки, троллейбусы-гусеницы, люди-муравьи и она, которая когда говорит, всегда прижимается близко, так близко, что за стуком своего сердца я почти не слышу её...

— Эта сцена двойная, с Мишкой. О невозможности любви. Вообще в глобальном Смысле. Режиссёр сказал, что нас разучил любить двадцатый век. Мы больны! А любить — это быть здоровым.

В тот вечер она поцеловала меня на остановке. Она взяла мою голову своими разноцветно окрашенными пальцами и прижавшись ко мне своим молодым, так хотевшим любви телом, поцеловала. Я не ответил, хотя мне хотелось обнять её и увезти далеко, к каким-нибудь синим холмам, где — я знаю — там восходит солнце.

На следующий день я уехал в Казахстан. Я уехал, я сбежал от этой непонятной пришедшей ниоткуда нежности. Или страсти. Или любви. Я так и не смог представить себе нас вместе. Наверное, тот режиссёр был прав: мы неизлечимо больны.

Она закончила институт. Работает в МХТ.

Иногда... Я очень хочу ей позвонить.

ИЮНЬ. ОЛЯ-ЕВА

Пыльный, уже не свежий последних чисел июнь, но всё такой же ненасытный: на жару, воду, пиво, квас, с блаженной улыбкой Пантагрюэля, заглатывающего целого барана. Тела, тела, тела — загорелые и только ёще приступающие к этому священнодействию. В пляжных кабинках белые пятна и треугольники скромности на женских телах. И все на пляж, где вечный песок, яркое полуденное солнце, вскипающие гормоны и брызгющее пенистое пиво.

Она танцевала в одном из кабаков, мы знали друг друга лет десять. Мы с сыном пошли на пляж, нужно было хоть какой-нибудь прохлады — дома превратились в раскалённые духовые печи, в которых поджаривались и коптились наши тела. Он барабанил в воде, не вылезая на берег, а мне сегодня, как назло, надо было закончить статью в общий сборник. Я задумал написать эссе о натюрмортах, раскрывая изменение композиции по мере развития этого жанра. У меня была и такая мысль — если мы то, что мы едим — то вероятно по натюрмортам мы сможем воссоздать портреты людей прошлого времени. Конечно, это требовало работы с огромным количеством материала, он был почти весь в ноутбуке, но жарко, же... Я не замечал кто рядом со мной, поскольку лень было головой крутить. Ещё в голове туда-сюда, как растаявший шарик мороженого, катались «голландцы» и «кубисты». Чтобы хоть как-то сосредоточиться, я выбрал место в тени, под большой ивой, и без раздумья бросился в спасительные объятия воды!

К полудню задул лёгкий ветерок, было обалденно лежать, разглядывая сквозь тоненькие ивовые листочки кучевые облака. Летняя сладкая лень охватила меня, и я отставил свои «натюрморты» и принялся разглядывать «натюрморт» тел на большом жёлтом блюде с сине-бирюзовой окаёмкой! Вот это сорт манго, а вот группа студенток — виноград дамские пальчики, пара волейбольных груш, дети — киви и... смеющееся губы и большие чёрные очки, белые короткие волосы под яркой оранжевой косынкой, упругое, никак не похожее на все эти фруктово-йогуртовые ассоциации, грациозное тело хищника из породы кошачьих! Я не понимаю, какая сила удерживает нас, что за тысяча канатов натянуто, чтобы сдержать наши желания. Миллион веков пряли их женщины, или вожди племён, или церковь... И на эту белозубую улыбку прекрасной девушки, надменную улыбку. Надменность здесь главное условие, ключевое действие нашего подсознания, чтобы скрыть, замаскировать наше поражение перед её всепоглощающей силой и властью.

— Привет!

— Здорово... Час смотрю и никак не пойму — ты или не ты.

— Наверное, я, — хотя после часа пребывания здесь, кажется, что и не я!

— Я заметила.

— Одна?

— Одна! Вечером репетиция, а домой далеко ехать, да и жарко.

— Слушай...

Я пополз к ней, как тот первый огромный змей, с яблоком в зубах. Наши тела коснулись песчинками песка, а солнце как ненасытный бармен продолжало взбивать свой великий коктейль: из синего глубокого неба, ветра, запаха воды, горячей кожи. Я поцеловал её в губы, испачканные землянкой, и по звуку поцелуй был похож на потрескивающие от замыкания провода. Плавки трещали от того же напряжения. Мы побежали в воду! И только вода могла разрядить это высоковольтное напряжение, эту высоковольтную дугу, которая нарастала с такой потрясающей силой, что, не разрядив её, мы бы сгорели. Кругом были беспечные фрукты, сын кричал мне с берега, что хочет пить, а я только сдерживал прерывистость дыхания, чтоб не выдать праздно купающимся, чем мы занимаемся. Это как карнавал, где ты под маской и окружающие к тебе равнодушны, снисходительны, улыбчивы, но это только внешняя энтропия! Потом я всё же смог крикнуть, что в сумке есть квас, кола и бутерброды, но оторваться от неё не мог. Мы медленно плыли по течению. Сынуля, достав бутерброд и бутылку воды, бежал к нам, высоко закидывая пятки, волосы развевались как подводные водоросли в ритм этого солнечного любвеобильного июньского дня. Потом мы долго не выходили из воды, потому что скинув в воде плавки, не держать же их в руках, мы смеялись и ныряли, пытаясь их найти, но не найдя, так и пришлось выходить нижним топлем... хотя по-моему мало кто это за-

метил, кроме ребёнка. Потом после её репетиции мы снова встретились на пляже, на том же месте, жгли костер, пили шампанское и на большом махровом полотенце занимались продолжением. Её глаза блестели, как и звёзды, над рекой и пляжем, потому что город своим световым полыханием убивал эту чувственную ночь.

Потом она уехала на гастроли в Тюмень или Норильск, как-то случайно умудрилась там простудиться... и умерла от воспаления лёгких.

Солнце, песок, «я в твоих глазах увидел море — голубым колышется огнём...»

ИЮЛЬ. БУТЫЛКА С ГАЗИРОВАННОЙ ВОДОЙ

Надо прийти на свидание в белом костюме. День сегодня обязательно будет по-настоящему летний, будет светить солнце, и если вы придёте на свидание в костюме любого другого цвета, вам станет невозможно жарко, вы вспотеете и... обязательно захотите холодной газированной воды.

Когда я произношу её имя, даже сейчас, когда всё прошло, а может, ещё и нет, я становлюсь по настоящему счастливым, потому что она как пузырьки газировки. С необычайной колкости и начался наш роман.

— Может вы разродитесь побыстрее?

Я промолчал, отсчитывая мелочь.

— Так вы ещё и немой!

— Не ваш. — Стандартно пошутил я.

— Послушайте, если вы считаете, что именно так вы привлечёте к себе внимание, то вы сильно ошибаетесь... Перестаньте молчать?

И я отдал ей холодную бутылку с газированной водой, которую купил для себя, а всё потому, что вышел в этот солнечный день не в белом костюме. Наверное, всем хочется, чтобы как в «Мастере и Маргарите»: цветы, депрессия, пустая столица. А у меня бутылка газированной воды и жарко. К тому же маленькая быстрая молодая женщина, наэлектризованная, как пузырьки.

Она побежала из дверей магазина в город, бёдра были чуть великоваты для таких худеньких плеч, каштановое карэ. Она оглянулась и показала язык! Я улыбнулся в ответ и тоже показал язык. Она увидела это и как-то не сразу поняла произошедшее, отвернулась, сделала полшага вперёд, потом, словно уткнувшись в воздушную подушку перед собой, остановилась, обернулась и пошла на меня, взяв наперевес бутылку. Я тоже побежал к ней. Мы встретились, она часто дышала и не смотрела мне в глаза, что-то неприлично дерзкое хотелось ей сделать по отношению ко мне, но жара.... Потом она внимательно посмотрела в мои глаза.

Где-то и когда-то в неведомых и невиданных нами беззвездностях, в полях полных запахов и звуков эти цыганские глаза уже выбрали себе жертву. За минуту до этого я даже об этом не догадывался, а сейчас понял, что мой плен вечен, и ничто не вырвет меня из него. Словно маленький муравей, запутавший на дереве, который никогда не вырвётся из жарких паучьих лап, пока не превратится в часть смоляной верности.

Мы ели мороженое, ходили в кино... Именно в кино, на последнем сеансе это и произошло. Для любви у человека есть всё. Мокрые и счастливые, с опухшими губами мы смотрели в полупустом кинозале голливудский конвейер лиц, тел и спецэффектов. Мы не устали друг от друга в этот день. Но все же вечер развел нас по домам, чтобы обязательно с удесятеренной силой притянуться друг к другу на следующий день! Слышите, друзья, никогда не расставайтесь, не разрывайте рук.... Мир внутри не равен миру снаружи!

Конечно, мы не встретились с ней ни завтра, ни на послезавтра, адреса я её не знал... И как потом выяснил (мне рассказывали, что это показывали по местному ТВканалу), двое подростков залезли в машину послушать музыку, обшарили бардачок, нашли там пистолет. Упившись

или обкурившись они открыли огонь по окнам близ лежащих домов. Как позже объясняли свой поступок — им хотелось разбудить тупых обычайцев, чтобы они соединились с ними в одной нирване под музыку той же «Нирваны». Эти мелкотравчатые гомосапиенсы палили по окнам второго этажа... она не спала в эту ночь, она смотрела на заснувший хрустальный город и двух пьяных жуков возящихся у машины.... В её глазах был весь этот жаркий июльский день: был я, была вершина покоя... Пуля, два стекла... Она не почувствовала как умерла. Она уснула с открытыми глазами. На кухонном полу лежал благоухающий цветок, разбитая фарфоровая чашка, из которой она пила воду и почти пустая бутылка из под газированной воды.

- Скажи, ты ждал меня?
- Я... да!!!
- Может, ты думаешь, что я как Билайн — общедоступная?
- Нет, я думаю, ты жрица пятого царства, продолжающая собирать свои жертвы в нашем времени.
- Поцелуй меня, и если мы расстанемся, то я убью тебя!
- Мы не расстанемся никогда.
- Если мы встретились, то значит...
- Мы будем счастливы долго, и никто нас не разлучит.
- Ты так думаешь?
- Да-а-а-а-а...

АВГУСТ. АТОМЫ ЯБЛОК

Машина свернула с центральной дороги в просёлок... Фары скользнули по дачным домишкам и заборам... Мы ехали по глубокой колее, сухая трава шуршала о днище машины. Остановились у небольшого дачного домика с номером 9 в русском стиле — резные наличники, высокое крыльцо. Открыли висячий замок: две, три собаки отзывались в ночи... Потом тишина и только шум яблоневых деревьев в темноте.

У Пастернака был шум сосен, высокий и таинственный, а здесь привычный, только мне слышимый гулкий спелый стук антоновских яблок. Урожай яблок в этом году отменный.

Мы прошли по шуршащему песку тропинки и очутились в мире разбойниччьего посвиста, лёгкого августовского разорения: картошку уже выкопали, горами темнели груды ботвы; белыми размытыми звёздами торчали белые георгины. Мы зашли в дом. Там пахло летом, спельми помидорами и газом.

— Осторожнее, здесь ремонт, света тоже нет, ветер повалил столб.

В свете вспыхнувшей спички я увидел её лицо и отраженным от огромного старого трюмо своим. Это было похоже на фильм, какой-то старый французский кинофильм: темнота и два лица мужчины и женщины, влюблённых друг в друга. Загрохотали инструменты под ногами, звякнули пустые стаканы...

— Здесь должны быть свечи. Вечно всё валяется.

Мы зажгли свечи, нашёлся старый фонарик «жучок»: он чёрный с серой ручкой и с встроенной динамо-машиной; нажимая на эту ручку сам себе вырабатывал свет. В руке он приятно вибрирует и жужжит, словно держишь в руке большого жука.

Она поднялась по лестнице наверх, я не удержался и поднял глаза: стройные загорелые ноги и едва уловимая чайка белых стринг. Она, угадав мой взгляд, оглянулась, улыбнулась и наклонилась. Я зажужжал фонариком и вышел из дома — надо было принести из машины пакеты с напитками и закуской.

Проходя по саду, я услышал в темноте треск бросившегося от света большого тела. Может собака, подумал я, а может, волк? Хотя откуда здесь в пригороде могут быть волки?!

Машина ещё с тёплым двигателем стояла на дачной дороге. Дач было много и дорога поднималась чуть вверх. Меж разросшихся яблоневых деревьев и слив проглядывало сиреневое августовское небо.

Поднявшись на второй этаж и осветив небольшую комнату, я увидел её, лежащую белую рыбку на зелёной тахте. Словно морская царица, она нежилась, едва уловимо качаясь на тёмныхочных волнах эфира. Луч фонарика выхватывал частями её: острые плечи, молодые бедра, небольшие холмики грудей, длинные чёрные волосы... Всё висело в томительной упоительной паузе... Она приподнялась на руках и поманила меня — колдовски и заговорщицки. Потом привстала, и я уткнулся, как нос корабля в терпко пахнущий причал небольшого чёрного треугольника...

Чарующие предосенние запахи, яблоки антоновки, сохнувший чеснок, свежее обструганное дерево, краснеющие на окнах помидоры, корица и лаванда, сухая вишня и белые георгины.

С утра в полусне, я едва услышал:

— Спи, мне надо заехать на работу, оформить договор. Я буду к обеду. Не скучай.

И не тревожься, здесь никого не будет... Дачи старые, соседей почти нет.

Я потянулся во сне, поцеловал её твёрдые, как ядрышки, соски, поцеловал горячие губы и провалился в волшебный сон.

Утра я бродил по этому заброшенному Эдему. Там были большие, огромные яркие цветы, сквозь них пробивался оранжевый свет солнца. Я пробирался между ними осторожно, чтобы не сломать эти хрупкие диковинные создания. Мне захотелось увидеть источник этого оранжевого сияния, словно он находился внутри них. Я сел к толстым, как у подсолнуха, стеблям. Они были волосистые, как ноги сказочного животного. И под оранжевый, не известно, откуда исходящий свет, уснул.

Лика не приехала ни к обеду, ни к ужину. Мне самому пришлось выбираться из этой глухомани.

На обратном пути, когда она возвращалась ко мне на дачу, шёл мелкий дождик, она была в лёгком цветном платье с большими осенними цветами. На повороте она не увидела грейдер с оранжевым проблесковым маячком...

Просто не справилась с управлением.

СЕНТЯБРЬ. НАШЕДШЕМУ ПРОСЬБА ВЕРНУТЬ

Настало время печали. Оно придёт большим чудаком в большом чёрном плаще и большой чёрной шляпе. И вода ручьями будет стекать с этого магистра тоски и скуки. Нет, не хочу. Не надо этого — страшного милого небритого моего старого друга с бутылкой виски и пакетом яблочного сока под мышкой. Он всегда приходит, когда душа молчит, когда тучи и осень. Когда нет женского тепла и не от того, что его нет в природе, нет вокруг. Нет, оно пронизывает пространство подобно электромагнитным волнам: если закрыть глаза и уметь почувствовать — то вы ощутите миллион женщин, которые готовы согреть мировой океан своим нерастраченным теплом. Они способны растопить тонны льда и переправить Евразию к берегам Австралии.

Но а если ты потерял ключ, утратил вкус халвы; стал большой мёртвой рыбой, которая хлопает плавниками в такт волны? Хуже этого нет и не может быть; лучше травма, грипп, отсутствие работы или ремонт квартиры, потеря водительских прав или когда молоко убежало! Молчание души. Господи, за что?

Мы напились с моим другом. Он говорил о своей молодой жене, о своей проклятой жизни. Потом выпив оптом за Аршавина, за Питерский «Зенит» и Гуса Хигингса, за сборную по хоккею, за Олимпиаду 80, я

пошёл его провожать! Город блестел глянцем! Как в журнале. Ты вдруг оказываясь на страницах этих обширных рекламных площадей!

Удивительно, но я никогда не умел ругаться с женщинами. Когда начинаешь ругаться с женщиной, то где-то на третьей фразе устаешь, эмоции перехлестывают, и чувствуешь себя женщиной. А мой приятель и его молодая супруга могли сделать эйншпиль Тилю Уленшпигелю!

Он ушёл в дождь и глянец, ушёл обиженный на всё и всех, ушёл туда где край земли, чтобы свалиться в пасть голодным черепахам. Я остался, попросил стакан воды и сигарету. Ей было 22-23 года, полненькая, словно детский мячик, чёрные строгие глаза, девическая чёлка на глаза. Я долго стоял в коридоре, поставив пустой стакан на телефонную полку. Мне казалось, что что-то я должен сказать, чтобы потом закрыть входную дверь. Она сидела на кухне и грызла семечки — мне были видны её ноги, лёгкий светлый халатик открывал больше дозволенного в такой ситуации. Я, правда, ни о чём таком не думал. В голове ворочались образы трёх звероподобных черепах, на которых держится мир, их зелёные мутные от времени глаза. И ещё не хотелось идти в дождь. Я был где то в верхней части головного мозга. Уверен, что мой добрый старый приятель обязательно вернётся — и «не пустой». Хотелось помирить этих милых людей. И вообще, зачем эти странные мексиканские страсти в нашей дождливой сумрачной средней полосе в подмосковных квартирах. А может, ещё о чём-то думал — что долго не звонил маме и завтра обязательно позвоню...

- Проходите!
- Извините!? Это я виноват!
- В чём?
- .....
- В чём?
- В том, что я мужчина!

Она посмотрела на меня и впервые улыбнулась. Потом посмотрела на свои открытые ноги и не прикрыла их халатиком.

- Вы художник, да?
- Да.

Пауза, как в пьесе. В пьесе может и надо, а в жизни зачем, это нарушает естественность и создаёт ощущение театра, его нудной искусственности. А в паузе всё темнее и темнее сознание, нет, только не это! Я прошёл на кухню и опустился перед ней на колени. Она погладила мои волосы, я поцеловал её в круглые колени, сцепил руки под халатиком за её попой: Запах свежего белого зефира. Кожа как зефир...

- Спасибо!
- За что?
- За любовь.
- Господи, это вам спасибо! Я виноват, жутко виноват перед вами и перед Костей. Я правда даже не думал, не хотел.
- Вы уже сказали, что вы виноваты?
- Я?
- Вы же мужчина!

Я больше не встречался с ними. Они помирились и живут, как я слышал от наших общих друзей, счастливо. Один из двух сыновей стал художником. Может это единственная счастливая семья в этом мире?

ОКТЯБРЬ . ПУСТОТА...

Холодные тучи: серые, ватные, клочковатые, повисшие на проводах, рогах троллейбусов, шпилях, куполах и крестах. Вернейший знак окончания земной тёплой любви. Любви пугливой, кареглазой, пульсирующей и свободной. Любви толкающей барабан сердца, любви мимолётности и еле уловимости, любви всесокрушительной и размашистой — как

летний закат или летний восход. Нет ничего более совершенного и сложного, чем любовь. Вот попробуйте ответить на простой детский вопрос: что такое любовь? И тут же вы готовы, без предварительной подготовки, закричать, вы готовы завопить, вы готовы! Но только это первое лёгкое помешательство пройдёт, и вы уже задумались, появилась сначала лёгкая ореховая горчинка, потом ощущение потери, и вдруг мощная волна непреодолимого препятствия, а за ней вторая волна отсутствия любви. А «далыше тишина» и молчание кладёт печать, и мы замолкаем, так и не ответив на простой детский вопрос. Ах, любовь — ускользающая тень нашей светлой стороны души, наша в конечном итоге Надежда и Вера, наша бессознательная тяга к Высшему и неудержимое стремление к Вечности.

«Октябрь уж наступил, уж роща отряхает последние листы с нагих своих ветвей...» Не может мгновение насытить мой ненасытный голод любви! И потому октябрь должен был случиться, так ощущалось мной это чистое, закрытое тучами и дождями, пространство. И возникла Она, еврейка, ей было за пятьдесят — волевая, сильная, хитрая женщина. Нельзя не назвать то, что произошло между нами, близостью, но помыслить об этом раньше было невероятно. Взаимоотношения между нами скорее можно было описать на примере классической пары: путник и Баба-Яга. Я боялся её, она меня подавляла, при чём подавляла до болезни. Каждое утро, поскольку мы работали в одном театре, я шёл на встречу с ней как на Голгофу. Мы часто сидели в её кабинете, он был весь наполнен детскими рисунками. Её большие в очках глаза, распущеные волосы и полное отсутствие запахов, так всегда сопутствующих женщинам, вызывали во мне зомбимагнетизм. Во сне мы всегда прилагаемы к какому-то обстоятельству, предмету, ситуации, мы прилагаемы ко сну, мы не самостоятельны, мы всегда часть сна, нам от него не избавиться, как железной стружки от воли магнита.

Каждый год мы помогали ей и её мужу консервировать на зиму их летнюю дачу на берегу Волги. Комнаты уже пусты и отсветы из окон на крашеном полу были как жёлто-белые омыты. На улице мы с её мужем связывали в охапки, запасённые на зиму берёзовые и сосновые веники. Потом складывали в старенький Уазик разной пузатости банки с солёными грибами: тут были и тёмные как пули маслята и как увядшие с большой бахромой цветы — сырёжки, яркие улыбки лисичек, белые крепкие как кости грузди, пахло смородиновым листом, корицей и пустырником. Сели за стол, обтянутый клеёнкой в синий рубчик, поставили последний, наверное, в этом году шашлык, разлили по гранёным стаканам красное вино и водку, я закусил малосольными огурцами и кислой холодной прямо с ветки калиной.

- В этом сезоне надо будет сделать Пушкина!
- Конечно. Пушкин ведь это «наше всё»...
- Нет, неизвестного Пушкина — «Село Горюхино», его письма.
- Зачем?
- Разве ты не хочешь признаться мне в любви?

Холодные озёра проницательных умных глаз, большой шарф, коричневый вязаный свитер. Мы в шутку поцеловались, её губы были влажные и пахли дымом и мясом шашлыка. Потом мы встали и вошли в тут же рядом стоящую баню, ещё тёплую после вчерашней протопки. Там тоже было чисто, как в операционной, она скинула тяжёлую юбку, свитер и осталась голая в калошах и с распущенными волосами. Она была почти не загорелая, как будто и не было этого сумасшедшего жаркого лета. Венера заката, большие коричневые круги и такие же большие круглые набухшие соски, похожие на изабеллу, но на вкус молочной сыворотки.

«Есть в осени первоначальной, унылая пора. Весь день стоит как бы хрустальный и лучезарны вечера...» Она читала мне Пушкина, осеннее. А я не мог избавиться от ощущения, что это уже со мной было. Может даже и с Александром Сергеевичем...

Мы разъехались по своим домам, начинался ноябрь.

Потом у неё умер безобидный симпатяга муж. Она тоже серьёзно заболела, случился микроинсульт. Когда я пришёл навестить её после больницы, она с трудом выговаривала моё имя, произнося его медленно нараспев, словно в это время ела горячую печёную на углях картошку.

НОЯБРЬ. МОРФЕМНЫЙ РАЗБОР

Утро! Серое! Немигающее! Беспросветное! Без смысла, без мысли, без замысла.

Утро безнадёги!

Мне, почему то почудилось, что было такое утро — утро первого дня творения! Из бездны, чёрной мрачной глухой, из тоски и одиночества ВОССТАЛ мир. Бог дуновением алым разделил, наполнил, разрушил не-бытиё и вовлёк СЕБЯ и ВСЁ ОКРУГ ОКРУЖАЮЩЕЕ в ДВИЖЕНИЕ. Он отменил созерцание неподвижность — Он залил мир ритмом, пульсацией, переменами. Он взял и запустил Гильотину времени.

Осень я переживаю тяжело. Куда там началу года: бренчащему, надущенному, разухабистому Новому году — до истины корневых начал осени. Осеню надо разогнаться! Разогнать маховик действия. И сейчас ранним утром, после того как я проводил дочку в школу, она приехала пожить у меня этот год, я без сна и без бодровствования пью кофе. Я сел за её письменный стол, перебираю не свежие свои мысли, пытаясь отобрать что-то такое вечное, чтобы поместить в избранное, которое в свою очередь ляжет в холмы времени. Ляжет и задохнётся!

Машка забыла пенал!!! О чём только думала вчера, когда собиралась!

Сейчас вот я вспомнил, как в такое же утро, раннее по свету и настроению за окном, я звонил одному режиссёру, с которым мы затевали один театральный проект, и который не дурно реализовали. Я помню, какие мы были, оба горячие. Я мог рисовать и рисовать. Часами не вставал из-за этого вот стола, за которым сейчас сижу и пью кофе. Слышу, как монотонно, как у Тома Вейтса, капля стучит по железному карнизу и где-то на антресолях, радуясь теплу в доме, дребезжит муха, словно береста берёзы на ветру! Передо мной на стене плакат: все виды разбора — фонетический, морфемный. Выполнить морфемный разбор — это значит разобрать слово по составу, указать из каких частей оно состоит, найти приставку, корень, суффикс. Почему-то для примера нарисован ёжик и на нём произведен сей морфемный разбор. Голова ежа приставка, тело корень, «задница» и часть колючек — суффикс, а окончания нет, есть только пустой квадратик. «Квадратик неба синего...» В сущности, я занимаюсь тем же самым всю свою жизнь, подвергаю такому вот скальпированию, морфемному разбору всё что случилось со мной! Ищу этот корень, эту приставку, и не дай Бог мне найти пустой квадратик окончания! «Квадратик неба...»

Машунина постель смята, она сохраняет скульптурную форму борьбы с Морфеем. Подушка, как верный пёс хранит её тепло, а одеяло, которое она сжимала и тискала, прижалось к стене, как испугавшаяся безветрия волна, сохраняя в себе её сны и мысли. Я уткнулся в него головой. Пахнет сухой травой и летом!

С её матерью мы стараемся почти не встречаться. Когда-то что-то кончилось. Кончилось то, что бурно начиналось, но потом также внезапно и ушло. Это случилось в ноябре, в каком-то далёком теперь для меня ноябре, таком далёком, что мне сейчас кажется, что той любви вообще и не было никогда в моей жизни.

В пансионате «Чайка» на берегу заросшего ряской и травой озера в ноябре мы по случайному стечению обстоятельств были заперты на ключ охранником. Пансионат был уже закрыт, но нам надо было переночевать в нём, нам разрешили остаться на одну ночь с условием не

включать свет и не выходить из номера. Мы не включали свет и пили её французские духи, разбавив водой, чтобы разбавить охватившую нас тогда нежность. Она была потрясающая! Для меня была. Для кого-то сейчас есть! Ведь должно же быть, что для кого-то сейчас она такая же, какая была для меня тогда!? Или это вечно мимолётное бунинско-тёмноалеевское солнце ударное, единично, выборочно поражает на каком то малом промежутке времени, и подобно молнии уходит в сердцевину земли пропадая на всегда?!

Я выпил кофе и захотел спать! Взял Машину подушку, пошёл в зал на диван. Засыпая смотрел на открытую дверь в её комнату, на горящую настольную лампу и слышал голос моей любимой крошулечки. Весёлый с лёгкой хрипотцой после недавно перенесённой ангины. Её взгляд, ясный и быстрый, белые соломенные волосы. И вдруг я увидел её уже взрослой, как она выходит из этой комнаты... с молодым человеком. Она тёплая и счастливая...

Потом я вижу большой предутренний луг, как на «сводных» картинах по очереди, сквозь белотканность бумаги проступает цвет — зелёный... жёлтый... голубой, краски расплываются и луг летит по звёздному небу к какому-то предвечному первоначалу. К белому молочному свету, к тому свету, из которого всё когда то и произошло.

ДЕКАБРЬ. СПЕКТАЛЬ БЕЗ СОЛНЦА

Слишком тонкая, слишком невесомая, словно сплетённая из божественного волоса. Чёрные глаза, чёрные волосы, тонкая кожа с едва заметной венной прожилкой у виска. Я никогда не хотел её как женщину, просто мы дружили и были как брат и сестра, как Герда и Кай. Наши взаимоотношения бывали холодными как лёд. По целому месяцу мы не виделись. Но потом встречались, и целыми днями не расставались — болтали друг с другом, как самые близкие супруги. Между нами была какая-то глубокая привязанность.

Она часто ездила во Францию, неплохо знала французский язык. Познакомила нас переведённая ею пьеса Поля Клоделя «Полуденный раздёл», длинная и довольно скучная история. Такой жанр, интеллектуальная драма, не приживался в последнее время на наших сценических подмостках: слишком много красивых слов, слишком много иронии и парадоксов и слишком мало любви, нашенской простотой и порочностью, земной, сжигающей и простецкой.

— Мы выше любви.

— А я должно быть ниже. Как-то так говорила Раневская, только не Фаина, а Любовь.

Переведя эту диковину, она не оставляла надежды пристроить пьесу к режиссёру. Но народ «тёмный» — что они носят в себе, какие замыслы теснятся в этих умных головах? «Чёрный квадрат» Малевича — это их самый гениальный портрет.

Она любила мороженое с коньяком. И вот после какой-то 101 попытки с очередным мастодонтом (режиссёром), надо отдать должное её упорству, ей срочно надо было доставить вариант пьесы к нему. Этот «очередной простой гений» жил уединенно за городом, и в эти декабрьские «хлебные» дни для всех театральных людей России, он принципиально уезжал из города. К компании дедов Морозов и корпоративов пил стойкий антиинтерес.

Я вызвался отвезти к нему мою подругу, в ту зиму я был ещё «на колёсах». Дорога по-зимнему была довольно опасной. Но, во-первых: это было недалеко от города и, во-вторых: идея провести вечер у камина в зимнем лесу представлялась довольно заманчивой. Хоть и светило солнце, но в «жигулёнке» было довольно холодно, она сидела на переднем сидении в белой короткой шубке и чёрных сапогах «чулках». Посколь-

ку мне всё время что-то говорила и была повёрнута в мою сторону, то мой взгляд волей не волей возвращался к её острым коленкам. Но после сложно сочинённого монолога, она вдруг задумывалась, потом задумчиво улыбалась чему-то своему, а потом ещё больше довернувшись ко мне, задавала вопрос, касающийся этого режиссёра. Что я знаю о нём, чего ждать от него и как лучше построить разговор. Она симпатично прикусывала нижнюю губу и в это мгновение казалась маленьким пушистым зверьком.

- Как ты думаешь, ему понравится пьеса?
- Думаю, что да.
- Но не надо шутить, ты же знаешь как это для меня важно!
- .....
- Как они меня достали, эти великие таланты. Режиссёры мать их...
- Хочешь честно?
- Да.
- Он её даже читать не будет!
- Зачем же позвонил и сказал срочно привезите, есть кой-какие идеи.
- Зима, одиночество, коньк и заинтересовавшая им женщина.
- Ну что за глупость, почему ты всегда всё сводишь к этим примитивным вещам?
- Что проще, то и сильнее. Что объяснять не надо, то и истина.
- То-то ты всю дорогу пялишься на мои коленки.
- И она неожиданно раздвинула ноги.
- И?
- Что и?
- Она ещё больше раздвинула свои стройные ножки.
- Что я должен делать?
- Доказывать свою философию.

Дорога была неприятная, ненакатанная и притом нагретая за день солнцем. Она скользила, как начищенный паркет и мне большого труда стоило возвращать машину на дорогу. Я изрядно поработал, вращая влево вправо рулевое колесо, чтобы не скатиться на обочину в сугроб. Впереди был железнодорожный переезд, он был закрыт. И мы наблюдали, как медленно и плавно из-за больших сугробов, выплыval зелёный тепловоз и тянул за собой длиннющий ряд вагонов и цистерн. Она развязала шейный платок и сняла шубку, потом медленно стала растёгивать брусничного цвета блузку. На переезде мигал красный фонарь. Её небольшие острые грудки, как два стога напряжённо стояли под чёрным ажурным бюстгальтером.

Открылся шлагбаум, поезд стал набирать скорость. Я проскочил переезд на повышенных оборотах и съехал в сугроб. Снимая куртку, мы как два неуклюжих медведя в берлоге протискивались на заднее сидение. На машине мигали жёлтые аварийные огни, горел ближний свет, и на стёкла падали нежные белые снежинки, начинался снегопад. Как будто Снежная королева укрывала Кая и Герду от посторонних случайных глаз.

Нам было долго хорошо. Но холод и зима лишь короткое время дают страсти. Замёрзнув, мы начали одеваться. Она накинула шубку на голое тело. Выбравшись из сугроба мы поехали в обратный путь.

Неделю мы встречались и любили друг друга как сумасшедшие. Потом она уехала в Париж и нашла там русского режиссёра, который на французском языке сделал спектакль по этой пьесе! Я оформлял его как художник. Это получился странный спектакль. В газете одна из критиков назвала его «спектаклем без солнца».

Потом она пропала во времени и пространстве. Так теперь бывает, пропала, как та белоснежная зима со своим сугробами-метелями. Пропала, растаяв сладкой дымкой своей страсти в моей крови.